

Преступление и наказание (компиляция Вернона Ричардса)

Эррико Малатеста

1920-1924

...Любой анархистский пропагандист привык к тому, что ему повторяют в качестве главного возражения: кто обуздает преступников [в анархистском обществе]? Эта озабоченность, на мой взгляд, чрезмерна, ибо преступность – явление почти ничтожной важности по сравнению с огромностью постоянных и всеобщих общественных фактов, и можно верить в её автоматическое исчезновение как следствие роста благосостояния и образования, помимо прогресса педагогики и медицины. Но какими бы оптимистичными ни были предсказания, какими бы радужными ни казались надежды, всегда остаётся факт, что преступность сегодня препятствует мирным общественным отношениям и, разумеется, не исчезнет в одночасье после революции; какой бы радикальной и глубокой она ни была, преступность могла бы стать причиной потрясений и разрушения для общества свободных людей, подобно тому как ничтожная песчинка может остановить работу совершеннейшего механизма.

Поэтому полезно и даже необходимо, чтобы анархисты задумались над этой проблемой и уделили ей, возможно, большее значение, чем обычно, – как чтобы лучше опровергнуть распространённое возражение, так и чтобы не подвергаться неприятным неожиданностям и опасным непоследовательностям.

Разумеется, преступления, о которых мы говорим, – это антиобщественные действия, то есть те, что оскорбляют чувство человеческого сострадания и ущемляют право других на равную свободу, а не те многочисленные деяния, которые уголовный кодекс карает лишь потому, что они посягают на привилегии господствующих классов¹.

Для нас преступление – это всякое действие, которое стремится сознательно увеличить человеческое страдание; это нарушение права всех на равную свободу и на пользование максимумом возможных моральных и материальных благ.

Признаем, что даже при таком определении преступления и для того, кто его принимает, всё ещё трудно конкретно установить, какие деяния преступны, а какие

¹ *Umanità Nova*, 27 августа 1920

нет, ибо мнения людей о том, что является причиной страдания или наслаждения, что хорошо, а что плохо, различны, – если только речь не идёт о зверских преступлениях, оскорбляющих чувства человеческой души и потому являющихся предметом всеобщего осуждения².

Я полагаю, что никто, по крайней мере теоретически, не готов отрицать, что свобода, понимаемая как взаимность, есть существенное условие всякой цивилизованной жизни, всякой «человечности»; но только анархизм представляет её логическое и полное осуществление. Признав это, преступником – не против природы, не в силу метафизического закона, но против своих современников и в силу оскорблённых интересов и чувств других – является всякий, кто нарушает равную свободу других. И пока существует кто-то, кто это делает, необходимо защищаться³.

Эта необходимая защита против тех, кто нарушает не «общественный порядок», но самые основополагающие чувства, делающие человека человеком, а не ужасным зверем, – один из предлогов, которыми правительства оправдывают своё существование. Необходимо устранить все социальные причины преступления, нужно воспитывать людей в чувствах братства и взаимного уважения, нужно искать, как говорил Фурье, *«полезные заменители преступления; но если преступники остаются и пока они есть, люди найдут способ и энергию, чтобы напрямую защититься от них, или же вновь появятся полиция, суды и, следовательно, правительство»*.

Способ решить проблему не состоит в том, чтобы её отрицать⁴.

Можно опасаться, и справедливо, что эта необходимая защита от преступности может стать источником и предлогом для новой системы угнетения и привилегий. Задача анархистов – следить за тем, чтобы этого не произошло. Стараясь выявить причины каждого преступления и стремясь их устранить, не позволяя людям получать личную выгоду от репрессий против преступности, позволяя непосредственно заинтересованным группам обеспечивать свою защиту, привыкая рассматривать преступников как заблудших братьев, как больных, которых нужно лечить с любовью, как поступили бы с любым гидрофобом или опасным безумцем, можно будет согласовать полную свободу всех с защитой от тех, кто явно и действительно опасно посягает на эту свободу.

Это возможно, разумеется, когда преступность сводится к единичным, индивидуальным, истинно патологическим случаям. С другой стороны, если бы преступников было слишком много и они обладали бы большой властью, если бы ими были, например, те, кем сегодня [1922] являются буржуазия и фашизм, тогда речь уже не идёт о том, чтобы обсуждать, что мы будем делать в анархистском обществе⁵.

С прогрессом цивилизации, с ростом социальных связей, с растущим сознанием естественной солидарности, объединяющей людей, с повышением интеллекта и с утончением чувствительности, несомненно, возрастут общественные обязанности, и многие действия, которые считались относящимися к строго индивидуальному праву и независимыми от всякого коллективного контроля, приобретут – и уже сегодня приобретают – характер вещей, касающихся всех и долженствующих регулироваться

² *Pensiero e Volontà*, 15 августа 1924.

³ *Umanità Nova*, 30 сентября 1922.

⁴ *Umanità Nova*, 19 августа 1922.

⁵ *Umanità Nova*, 30 сентября 1922.

сообразно общему интересу. Например, уже сегодня не считается позволительным, чтобы отец оставлял своих детей в невежестве и воспитывал их способом, вредным для их развития и будущего благополучия. Не позволительно человеку оставаться в грязи и пренебрегать теми правилами гигиены, которые могут влиять на здоровье других; не позволительно иметь инфекционную болезнь и не лечиться, иметь отвратительную болезнь и выставять её напоказ. Завтра будет считаться обязательным усилие, направленное на обеспечение блага всех, как будет считаться виновным произведение потомства, если есть основания полагать, что потомство будет болезненным или несчастным.

Но это чувство обязанностей – наших по отношению к другим и других по отношению к нам – должно, согласно нашей общественной концепции, развиваться свободно, без иной внешней санкции, кроме уважения или неодобрения сограждан. Уважение, желание блага другим должно войти в привычку и выступать уже не как обязанность, а как нормальное удовлетворение общественных инстинктов.

Есть такие, кто мечтает морализировать людей силой, кто хотел бы установить статью уголовного кодекса для каждого возможного акта жизни, кто охотно поставил бы жандарма рядом с каждым ложем и каждым столом. Но эти люди, если у них нет принудительных средств, чтобы навязать свои идеи, добиваются лишь того, что выставляют в смешном виде лучшие вещи; а если у них есть власть повелевать, тогда они делают добро ненавистным и вызывают реакцию.

[...]

По нашему мнению, исполнение общественных обязанностей должно быть добровольным. Право вмешиваться с помощью материальной силы появляется только в отношении тех, кто насильственно оскорблял бы других и препятствовал мирному общественному сожительству. Силу, физическое принуждение следует применять лишь против насильственного материального нападения и исключительно по необходимости защиты.

Но кто будет судить? кто обеспечит необходимую защиту? кто установит средства подавления?

Мы не видим иного пути, кроме как позволить действовать заинтересованным лицам, позволить действовать народу, то есть массе граждан, которая будет поступать по-разному в зависимости от обстоятельств и от своей различной степени цивилизованности.

Нужно прежде всего избегать создания корпусов, специализирующихся на полицейской работе: будет, быть может, потеряно нечто в отношении репрессивной эффективности, но зато удастся избежать создания орудия всякой тирании.

Мы не верим в непогрешимость и тем более в неизменную доброту масс: совсем наоборот. Но ещё меньше мы верим в непогрешимость и доброту людей, которые захватывают власть, и законодательствуют, и закрепляют, и увековечивают идеи и интересы, господствующие в данный момент.

Лучше во всех случаях несправедливость, преходящее насилие народа, чем свинцовый колпак, узаконенное насилие судебного и полицейского государства.

Впрочем, мы – лишь одна из сил, действующих в обществе, и история будет двигаться, как всегда, согласно равнодействующей сил.⁶

Следовательно, нужно считаться с остатком преступности; остатком, который, как мы надеемся, будет устранён более или менее быстро, но который тем временем обяжет массу трудящихся к действиям по защите.

Отбросив всякую мысль о наказании и мести – а ведь именно эта мысль ещё преобладает в уголовном праве, – и вдохновляясь только необходимостью защиты и желанием исправлять и помогать, мы должны искать средства для достижения цели, не впадая в опасности авторитаризма и не вступая в противоречие с системой свободы и воли, на которой мы хотим основать новое общество⁷.

Для авторитариев, для государственных людей вопрос прост: Законодательный корпус, чтобы классифицировать преступления и предписывать наказания, полиция, чтобы разыскивать преступников, магистратура, чтобы судить их, корпус тюремщиков, чтобы заставлять их страдать. И, как естественно, законодательный корпус стремится с помощью уголовных законов защищать прежде всего сложившиеся интересы, которые он представляет, и обезопасить государство от попыток «ниспровергателей»; полиция; живущая подавлением преступлений, заинтересована в том, чтобы преступления совершались, становится провокатором и развивает в своих людях зверские и извращённые инстинкты; магистратура живёт и процветает тоже благодаря преступлению и преступникам, служит интересам правительства и господствующих классов и приобретает в упражнении своего ремесла особую ментальность, которая делает из неё машину для осуждения возможно большего числа людей к возможно более тяжким наказаниям; тюремщики либо уже нечувствительны, либо становятся нечувствительными к страданиям заключённых и, в лучшем случае, пассивно соблюдают правила, без единого проблеска человеческого сочувствия. Результаты видны в статистике преступности. Меняют уголовные законы, реформируют полицию и магистратуру, изменяют тюремные системы... а преступность продолжается и сопротивляется всем попыткам уничтожить или ослабить её. И это верно для прошлого и настоящего, и мы полагаем, что это будет верно и в будущем, если радикально не изменить понятие преступления и не упразднить все органы, живущие на розыске и подавлении преступности⁸.

Во Франции существуют строгие законы против тех, кто употребляет и торгует кокаином. И, как обычно, бедствие распространяется и усиливается, несмотря на законы, а может быть, и из-за них.

Так происходит и в остальной Европе, и в Соединённых Штатах.

Доктор Куртуа Сюффи, из Французской академии медицины, который уже в прошлом году [1921] бил тревогу против опасности кокаина, убедившись в провале уголовного законодательства, требует... новых и более строгих законов.

Это старая ошибка законодателей, хотя опыт неизменно показывал, что никогда закон, каким бы варварским он ни был, не смог уничтожить порок или отбить охоту к преступлению.

⁶ *Umanità Nova*, 2 сентября 1921, №122. Статья "La difesa sociale contro il delitto".

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Чем строже наказания, налагаемые на потребителей и торговцев кокаином, тем больше возрастёт у первых притягательность запретного плода и очарование грозящей опасности, а у вторых – жадность к прибыли, которая и без того огромна и возрастёт ещё больше вместе с суровостью закона.

Бесполезно, следовательно, полагаться на закон.

Мы предлагаем другое средство.

Объявить свободным употребление и торговлю кокаином и открыть заведения, где его продают по себестоимости или даже ниже цены. А затем вести широкую пропаганду, чтобы объяснить публике и заставить её живо осознать вред кокаина; никто не стал бы вести противоположную пропаганду, потому что никто не мог бы наживаться на беде потребителей кокаина.

Разумеется, это не уничтожило бы полностью вредное употребление кокаина, потому что сохранились бы социальные причины, создающие несчастных и толкающие их к употреблению наркотиков.

Но так или иначе зло уменьшилось бы, потому что никто не мог бы наживаться на продаже наркотика и никто не мог бы спекулировать на охоте за спекулянтами.

И поэтому наше предложение не будет принято во внимание или будет сочтено химерическим и бессмысленным.

Однако интеллигентные и незаинтересованные люди могли бы сказать себе: поскольку уголовные законы показали своё бессилие, не было бы полезно, хотя бы в порядке эксперимента, испробовать анархистский метод?⁹

Мы не будем повторять классические аргументы против смертной казни. Они кажутся нам ложью, когда мы слышим, как их отстаивают сторонники пожизненного заключения и других бесчеловечных замен смертной казни. Мы также не будем говорить о «святости человеческой жизни», которую все утверждают, и все нарушают, если доходит до дела, причиняя напрямую смерть или пытая и сокращая жизнь иными способами.

Существуют люди – немногие, но страшные – которые родились или стали нравственными монстрами, кровожадными и садистскими, чьей смерти мы не могли бы сожалеть. Когда эти несчастные представляют постоянную опасность для всех и нет иного способа защититься, кроме как убить их, можно было бы даже допустить смертную казнь.

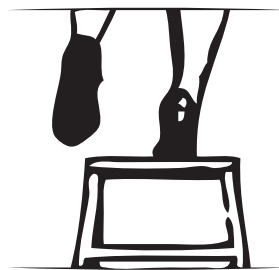
Но плохо то, что для применения смертной казни нужен палач. А палач либо становится монстром, либо уже является им; один монстр вместо другого – лучше позволить жить тем, кто уже существует, чем создавать новых.

И это относится к настоящим преступникам, антиобщественным существам, не вызывающим никакой симпатии и не заслуживающим никакого снисхождения, ибо речь идёт о смертной казни как средстве политической борьбы, тогда... тогда история расскажет нам, каковы могут быть последствия¹⁰.

⁹ *Umanità Nova*, 10 август 1922.

¹⁰ *I Risveglio*, 11 февраля 1933.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Преступление и наказание (компиляция Вернона Ричардса)
1920-1924

ru.anarchistlibraries.net